

В условиях глобализации мира исламский фундаментализм оказался идеологией, претендующей на интеграцию ряда деструктивных доктрин и практики в единую идеологию, имеющую признаки тоталитарной. В своей политической риторике он объединяет как собственно традиционные мотивы (борьба Запада и Востока, конфликт цивилизаций, культур и религий), так и различные формы деструктивного социального протеста (национализм, антиколониализм и т.д.). В своем отрицании принципов открытого либерального общества и западной индивидуалистической культуры, он оказался способен принимать крайне агрессивные формы. В этих условиях представляется важным разграничить ислам как религию и исламский фундаментализм (радикальный исламизм) как политическую идеологию. Последняя, подобно другим политическим идеологиям (например, коммунизм, национализм, фашизм), приобретает собственную логику развития, не зависимую от первоначальных содержательных ингредиентов.

6.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ: НАСКОЛЬКО УНИВЕРСАЛЬНА ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Радикальные изменения связаны с процессом глобализации: среди них качественное изменение коммуникаций; новые конфликты (приобретающие глобальный характер); как следствие — новые идеологии (воспроизводящие на новом уровне обобщения старые идеи). Борьба за контроль над ресурсами, коммуникациями, информацией, образованием и проч. становится социальным основанием глобализма и антиглобализма. Появление антиглобализма как некоторого (пока весьма неопределенного) подобия идеологии, окрашенного левой направленностью, — интересный феномен в контексте данного исследования. В это течение мощным потоком влились все дискриминируемые социальные слои — по экономическому, экологическому, социальному, половому, возрастному параметрам. Функция этой протоидеологии — заменить или радикально модернизировать весь спектр старых элементов критической теории. Здесь много от утопи-

ческого социализма, марксизма, анархизма и национализма. Антиглобализм (который некоторые рассматривают, впрочем, как разновидность глобализма) поставил ряд острых проблем (точнее воспроизвел стереотипы новых левых 60-х гг.): демографический взрыв (перенаселение) и нехватка ресурсов (в частности, энергетических); концентрация могущества и власти на одном полюсе, рост нищеты и агрессивности — на другом; новый передел мира транснациональными корпорациями (монополиями и олигополиями) и стремление к сохранению контроля со стороны национальных элит и правительств; растущая унификация культуры и образа жизни и увеличение ценности оригинальной национальной культуры; интенсивное движение к демократии и сохраняющаяся угроза тоталитаризма; конфликтность демократии (как правления большинства) и верховенства права (как приоритета прав меньшинств и индивида); новые информационные технологии и все большие трудности доступа к объективной информации; стандартизация и технологизация общества и увеличение значения отдельной личности; наконец, исчерпание ресурсов и грядущая экологическая катастрофа. При решении этих вопросов возрастает значение научной теории, которая противостоит идеологии именно в том, что касается способов объяснения общества и определения перспективных тенденций его развития.

Возможность глобального гражданского общества и правового государства. Центральной темой дискуссий стал вопрос о переходе к глобальному гражданскому обществу. Основными общими факторами развития гражданского общества в Европе стали: переход от традиционного (феодалного) общества (основанного на иерархии сословий и системе привилегий) к обществу нового времени, которое можно определить как гражданское или демократическое (в смысле равенства прав индивидов и закрепления их политических свобод). Данный процесс опирался на расширяющуюся коммерциализацию, перестройку традиционной земельной собственности, создание новых социальных отношений собственности. В ходе этого процесса владение перестало связываться с позицией в социальной иерархии, получив (независимо от ее характера) расширительную индивидуалистическую трактовку. Другой фактор был связан с созданием мощных централизованных государств и бюрократии, выступающей инструментом уни-

фикации социальных отношений и разрешения конфликтов между социальными слоями. Объективно данный процесс (независимо от коммерциализации и политических кризисов) вел к формальной нивелировке общества. Становление индустриального общества предполагало расширение области формальных социальных прав на такие сферы, как борьба с бедностью и социальное страхование, введение всеобщего начального обучения, медицинского обслуживания населения, расширение коммуникаций и повышение уровня культуры населения в целом. Третий фактор — образование национальных государств и закрепление национальной идентичности (связь гражданских прав с национальной принадлежностью).

Интерпретации гражданского общества и правового государства в современной науке опираются на определение гражданства, вытекающее из классической либеральной модели, с ее эволюционизмом, верой в прогресс и телеологизмом. Гражданское общество есть реализация прав и соответствующих им обязанностей граждан перед государством, выступающим в качестве гаранта этих прав. Гражданское общество включает три измерения — правовое (равенство перед законом), политическое (избирательное право) и социально-экономическое (например, право на охрану здоровья) (190). Данный подход получил развитие и корректировку в новейших исследованиях проблемы. Во-первых, положив в основу европейскую модель движения к гражданскому обществу, классическая теория оставляет вне рассмотрения особенности движения к нему в других регионах, где развитие гражданских прав может иметь (и имеет) специфику, связанную с традиционализмом этих обществ; во-вторых, доминирующая модель западной демократии (с установившимся в ней соотношением прав и обязанностей) не охватывает чрезвычайно разнообразной и противоречивой динамики современного мира, где реализация одних (например, экономических) параметров гражданского общества часто сопровождается ослаблением или подавлением других параметров (правовых и политических); в-третьих, необходимо учитывать неоднозначное положение различных социальных категорий (например, женщин, иностранцев, национальных меньшинств) (191). Современный социологический подход к гражданскому обществу включает такие параметры, как этнический и национальный состав общества, его классовое, половое и возрастное деление, проблемы самоидентификации различных соци-

альных меньшинств и реализации их прав, наконец, политизацию этих прав в рамках национальных государств и в глобальной перспективе.

Переход от национальных государств к созданию наднациональных властных центров ведет к отрыву отдельных компонентов гражданства от той его трактовки, которая была связана с существованием национальных государств. В частности, возникает феномен международного вмешательства в политику национальных государств в связи с защитой прав человека (так называемая гуманитарная интервенция), ставящая под вопрос ранее незыблемую теорию государственного суверенитета. Права человека впервые поставлены на наднациональный уровень, а их защита выражается в давлении международного сообщества на национальные государства с целью изменения их конституционных норм (примеры стран Восточной Европы, Южной Африки, Ирака, борьбы с терроризмом, появление стран-изгоев) (192). Следует подчеркнуть влияние Европейского суда по правам человека и его прецедентов для национальных систем конституционного правосудия. В странах Европейского союза наметилась тенденция по выведению определенных гражданских прав (особенно социальных прав, но отчасти и политических, в связи с европейским избирательным правом) за пределы исключительной компетенции национальных государств и их внутреннего права (193). Следовательно, конструкция гражданства в ее традиционном виде испытывает процесс эрозии и размывания, распадаясь на различные группы прав и обязанностей и не концентрируясь более в узких рамках национальных государств. Таким образом, эпоха национальных государств Нового времени уходит в прошлое, а вместе с ней и различные идеологические стереотипы, обусловленные формированием гражданского общества в отдельных странах. С этим связано перенесение идеологических дебатов с национального на транснациональный уровень (например, споры еврооптимистов и европессимистов, сторонников и противников европейского выбора России). В свою очередь, это делает актуальным переосмысление ключевых положений теории гражданского общества и правового государства.

Переход к демократии во всемирном масштабе оказался тем вызовом, ответом на который стала политическая философия либерализма, обосновавшего концепцию гражданского общества и правового

государства. Мы реконструировали различные тенденции интерпретации демократии и показали, в чем состояла принципиальная новизна решения данной проблемы либеральной политической теорией и практикой конституционализма. Определяя либерализм как политическое движение, имеющее своей целью защиту прав личности, необходимо рассматривать тот или иной вариант либерализма в связи с тем, каков механизм достижения цели в данных конкретных условиях. Мы видели, что либерализм определяет направление своего движения в рамках стратегии правового государства, конституционализма. При таком подходе становится возможным интерпретировать политическую программу и политическую деятельность, которая, варьируясь в ходе изменения политической ситуации в истории и современности, остается в то же время сама себе равной по отношению к главным ценностям либерализма и конституционализма. В результате мы получаем определенную познавательную модель, которая может быть использована для объяснения политических режимов и политических конфликтов в широкой сравнительной перспективе как в прошлом и настоящем, так и в будущем.

Философское осмысление глобального социального конфликта, с которым столкнулось человечество в XX в., а также стратегии выхода из него, предложенные различными идеологиями современности, представляют область размышлений, связанную с созданием картины будущего общества, определением приоритетных параметров формирования личности. В XX в. не только происходит формирование кризисного сознания, но идет и его осмысление. В центре внимания в этой связи должны оказаться, во-первых, известные концепции философов и социологов культуры — Гуссерля, Шпенглера, Ортеги-и-Гассета, Ясперса, Манхейма, заложивших теоретические основания обсуждения проблем цивилизационного кризиса, во-вторых, русских социальных мыслителей, как Сорокин, наиболее остро почувствовавших глобальный характер перемен на рубеже веков и предложивших первые модели его объяснения в связи с русской революцией; в-третьих, воззрения представителей технократических теорий от Бернхейма до Гелбрейта и Белла, Маркузе и Тоффлера, сформулировавших принципиальные социологические выводы о влиянии техники и технологий на социальные структуры и культуру (194). Речь идет о переходе от метафизических и религиозно-этических концепций кризиса европейской культуры нача-

ла XX в. к рассмотрению его как глобального социокультурного феномена во второй половине XX в., связанного прежде всего с научно-технической революцией, и, наконец, к осмыслению данного явления как глобального кризиса общества в новейшее время. В этой перспективе важно становление доминирующего технократического подхода к развитию общества, вклад Римского клуба — международной неформальной общественной организации, созданной на рубеже 60—70-х гг., активно действовавшей в 90-е гг. специально с целью независимого изучения глобальных проблем, кризисных ситуаций и поиска выхода из них. Контуры теории «мировой солидарности» (фактически утопии, представленной этим направлением) таковы: значение философского анализа глобальных проблем, анализ соотношения науки и техники, новые требования к образованию, развитие всеобщей солидарности для решения глобальных проблем, сочетание общества со множественностью культур и унифицирующих тенденций информационного общества, рост значения теоретических знаний и фактора личности. Осмысление этих проблем на уровне макротехории представлено в трудах А.Турена (195), Ю.Хабермаса (196). В этот ряд должны быть включены различные концепции индустриального и постиндустриального общества, коммуникативной демократии, информационного общества, постмодернизма (197).

Центральным направлением современных дискуссий об обществах переходного типа становится выяснение роли технологии как самостоятельного фактора конфигурации социальных отношений. Если для традиционного подхода было характерно в принципе рассмотрение технологического прогресса вне его социального контекста, то в настоящее время за ним признается роль в конструировании социальных структур, моделировании трансформационных процессов. Двумерно противоположными оказываются, однако, выводы о возможности социальной адаптации новейших телекоммуникационных технологий, механизмах их применения и воздействии на политическую власть в разных типах обществ. Это хорошо видно на примере дебатов об информационном обществе (М.Кастельс) (198).

Результатом исследований стало конструирование ряда моделей взаимодействия общества и информационных технологий: во-первых, модель гармонического синтеза социальных и информационных сетей, обеспечившего значительный экономический прогресс региона (напри-

мер, ряда стран Азии); во-вторых, модель деструктивных последствий успешной информационной революции для социальной структуры (страны Запада); и, в-третьих, модель срыва технологического прогресса в неподготовленной для этого социальной среде (посткоммунистическая модернизация в Восточной Европе и России). Выяснение причин столь различных путей интеграции регионов мира в структуры современного глобального общества определяет предмет споров.

Глобализация и информационализм порождают качественно новые технические условия, но они не меняют природы человека и мотивов его поведения. Становление современного гражданского общества в последние двести лет при таком подходе включало в себя и переход от сословного строя к всеобщему равенству и социальной демократии, и становление в XX в. массового общества и социального государства. В данной перспективе информационные технологии и их возможности могут рассматриваться как новый шаг в этом направлении. Поскольку телекоммуникации позволяют свободно обмениваться информацией и знаниями, осуществлять интерактивное обучение, они являются важнейшим инструментом коммуникативной демократии и в этом смысле способствуют развитию гражданского общества.

Переход к информационному обществу, на наш взгляд, выражает процесс, аналогичный предшествующему переходу от аграрного к индустриальному и от сословного к массовому обществу. Он связан с интеграцией личности в мировые коммуникации в ходе длительной эволюции от социального традиционализма к рационализму и от национальных государств к системе международных отношений и глобализму. Вся история человечества в известном смысле есть серия таких информационно-технологических переворотов — от изобретения первых иероглифов до книгопечатания, развития современных средств массовой информации и компьютерной эры. Циклическая смена эпох сбора информации и научных переворотов также должна приниматься в расчет, вызывая в памяти концепцию научных революций.

Негативными следствиями информационной глобализации признаются унификация и стандартизация сознания, с одной стороны, отторжение целых регионов мира и локализация политики, — с другой. Ряд стран традиционной культуры, как, например, Япония, Китай, Испания или Бразилия, становясь информационными обществами, не теряет культурной самобытности. В то время как другие, не став частью

глобального информационного общества, напротив, уже испытывают его деструктивное влияние. В целом процесс дезинтеграции единого Третьего мира (особенно стран Африки и Латинской Америки) соотносится с отторжением от глобальной информационной экономики в силу их структурной иррелевантности, которая является более угрожающим состоянием, чем зависимость. Сетевые структуры связаны с государством, однако, в отличие от формальных бюрократических структур имеют неформальный характер, базируясь на персональных отношениях. Эффективность действий подобных сетевых структур часто прямо пропорциональна правовой неопределенности и является своеобразной гарантией стабильности в условиях политического и правового вакуума. В частности, на это указывали исследователи неформальной экономики многих стран — от Латинской Америки до Тихоокеанского бассейна и Восточной Европы. Возможна и обратная ситуация, когда новые технологии закрепляют традиционные региональные, социальные и национальные стереотипы сознания.

В этой перспективе правомерен вопрос, станет ли информационная технология (Интернет) инструментом создания гражданского общества, просвещения и экономического благосостояния или, напротив, дегуманизирующее влияние виртуальной реальности ввергнет человечество в некий новый информационный феодализм. Последняя точка зрения получила широкое распространение. Интерактивное взаимодействие с системой телекоммуникаций ведет к принятию ее логики, языка, символов и паролей. Включенность в систему и возможность беспрепятственного доступа к потокам информации есть ключ к достижению власти, богатства и свободы в информационном обществе. Дезорганизация массового общества и четкая организация элит получают новый технологический импульс, закрепляя и даже усиливая существующее социальное неравенство. Это ведет к отказу от традиционной социологической концепции властвующей элиты, господство которой опирается исключительно на силу. Реальное социальное господство в информационном обществе, согласно данному мнению, возникает из владения встроенными в социальную структуру культурными кодами, которое само по себе открывает доступ в структуру власти, и поэтому элите нет необходимости тайно блокировать доступ в свои сети. Ее господство достигается путем создания единых центров производства унифицирующих символов, стиля жиз-

ни, дизайна пространственных форм и архитектуры, специально предназначенных для информационного господства.

Дискуссия о негативных и позитивных сторонах воздействия информационных технологий на общество напоминает предшествующие дискуссии о феномене демократии. Излишне быстрый переход от традиционного общества к демократии в начале XX в., связанный с торжеством всеобщего избирательного права, был неотъемлем от социальной демагогии, демократической легитимации авторитарных и тоталитарных режимов, появления мнимого конституционализма. В более длительной перспективе, однако, оказалось, что разрушительные последствия перехода к демократии снимаются в ходе ее поступательного развития быстрее, нежели в тех случаях, когда это развитие искусственно сдерживается. Ряд кризисов демократии закончился созданием новых ее форм. Современная социология предложила синтез теории демократии и теории элиты в концепции представительной демократии и плюрализма элитных групп. Мы не видим оснований подвергать эту классическую модель ревизии на основании появления новых информационных инструментов господства (199).

Вопреки негативным выводам о социальных следствиях глобальной информатизации мы, имея опыт закрытого общества, лучше представляем позитивную сторону этого процесса. Интернет впервые в истории создает ситуацию, исключающую прямой государственный контроль над информацией или цензуру. Он позволяет получить информацию в кратчайшие сроки в любой точке мира. Таким образом, все предшествующие способы закрыть общество, как бы того не хотели сторонники изоляционизма, оказываются в настоящее время неэффективными. Тем, кто подчеркивает угрозу информационной безопасности, Интернет, самим фактом своего существования, напоминает о сохранении ее свободного обмена. Позитивные стороны Интернета могут возрастать в дальнейшем, когда с развитием технического прогресса уже не будет реальной возможности осуществлять контроль над ним.

Конечно, на каждое открытие в истории находилось контроткрытие, и их борьба определяет динамику доминирующих технологий. Не следует думать, что информационное общество есть разрушение цивилизации, как не были ими и коперникианский переворот в понимании мироздания, великие географические открытия или изобре-

ния новых видов энергии. Интернет сравнивают с новым видом энергии, с изобретением электричества. Если принять это сравнение, то мы получаем вполне конкретный ориентир для сравнительной интерпретации вклада информационно-технологической революции. Усложнение мира и усиление степени неопределенности и риска, как и в случае с другими изобретениями, уравниваются параллельным развитием инструментов управления ими.

Типологический подход к изучению идеологий. Мы определили идеологию как особое состояние общественного сознания, реализующееся в результате установления взаимосвязи трех основных факторов: системы идей, объясняющих общество, социальные конфликты и способы их разрешения; достаточно представительного социального слоя, принимающего эти идеи как руководство к действию; и, наконец, определенной организации, обеспечивающей постоянные информационные связи руководителей с движением их сторонников. Данный подход, во-первых, позволяет разграничить идеологии (в узком смысле) и все другие формы общественного сознания (религия, философия, наука, образование и т.д.); во-вторых, более четко определить социальные условия, в которых реализуется возможность появления или воспроизводства идеологий (это ситуации социальных конфликтов на макроуровне, предполагающие вовлечение широких масс в политику); в-третьих, показать характер динамики идеологий и попытаться понять возможности влияния на нее. Так, например, возможно появление крупной философской или научной доктрины, которая не получает социальной поддержки и, следовательно, не становится политической идеологией; и, с другой стороны, возникновение некоторой общественной инициативы или социальных установок, имеющих широкое социальное распространение (как, например, реклама или мода), не становящихся от этого политической идеологией, т.е. системой мировоззрения. Напротив, некоторые знаки и символы, вызывающие активное социальное отношение (как, например, гимн, флаг и герб) могут способствовать идеологической мобилизации. Наконец, интеллектуалы, политики и так называемые «узнаваемые» лица масс-медиа, шоу-бизнеса или массовой культуры отнюдь не становятся по этой причине идеологами. Идеология, таким образом, является совершенно конкретным продуктом взаимодействия указан-

ных социальных обстоятельств, можно даже сказать, в известном смысле — уникальным продуктом; появление основных идеологий нового времени отнюдь не является случайным, но детерминировано социальным конфликтом при переходе от традиционного (сословного) общества к демократии (массовому обществу); наконец, исходя из этого можно предположить, что соотношение идеологий и динамика их развития также подчинены определенной логике.

В литературе справедливо отмечалось, что феномен идеологий, кажущийся современному политизированному сознанию вполне обычным явлением, вовсе не является таковым для всех эпох. Само обращение к идеологиям общественного сознания и их востребованность обществом — это отнюдь не линейный процесс. Некоторые эпохи отличаются особой интенсивностью идеологических дебатов, другие, напротив, характеризуются полной пассивностью в этом отношении. Говорят об эпохах идеологий и конца идеологий. В качестве примеров интенсивных идеологических дебатов выступают революции, например, Французская 1789 г., русская 1917 г. В мировом масштабе интенсивный период идеологий и утопий, связанный с русской революцией и последовавшим за ней расколом мира (экономическая депрессия и острые классовые столкновения, подъем фашизма и расового империализма в высокоразвитой стране, трагическое саморазрушение революционного поколения, рационализированное и бюрократизированное уничтожение миллионов в концентрационных лагерях), сменился разочарованием в ее результатах. Для радикальных интеллектуалов, которые находились под впечатлением революционных идеологий XIX и половины XX в., наступил конец почти религиозных хилиастических надежд, миллениаризма, апокалиптических идей и, в конечном счете, — самой идеологии. На рубеже XX и XXI вв. в эпоху кризиса коммунистической идеологии и ее практического воплощения в реальном социализме и этот взгляд стал рассматриваться как чрезвычайно идеалистический. Возникло представление о том, что идеологический способ видения мира вообще лишен перспективы и необходим поиск некоторой новой антропологической концепции общества. Параллельно с этим был сделан вывод о прекращении существования интеллектуалов как особого социального слоя, функция которого состоит в воспроизводстве и развитии идеологий. Этот отказ от абсолютизации идеологического сознания и

представления о борьбе идеологий как игре с нулевой суммой позволил релятивизировать ценность каждой из них, анализируя достоинства и недостатки отдельных компонентов, заниматься поиском синтеза элементов различных идеологий и даже выдавать этот бриколаж за новые идеологии.

Проведенный нами анализ, однако, не позволяет полностью согласиться с этой точкой зрения. Отказ быстро меняющегося общества от идеологий классического типа, действительно имевший место в последнее время, вовсе не означает отказа от идеологий вообще как формы общественного сознания. Мы живем в век идеологий, а оптимистические речи об их скором конце столь же обманчивы, как и более ранние — о конце интеллектуалов. Прогнозы об отмирании идеологии и интеллектуалов делались неоднократно, но каждый раз восстанавливались в новом виде. Вопреки прогнозам начала XX в., они сохраняли и даже усилили свое значение в межвоенный период; прогнозы последующего времени не помешали идеологиям и интеллектуалам играть принципиальную роль в послевоенной модернизации европейского общества (особенно, в 60-е гг.). Наконец, кризис конца XX в. вновь привел к резкому увеличению роли идеологий. Таким образом, очевидно, что идеологии выполняют в современном массовом обществе исключительно важную роль, а их создатели — идеологи — представляют собой социальный слой, выполняющий в известном смысле перманентную роль — социальной ориентации общества, конструирования моделей будущего социального устройства, без которых невозможно развитие. Тезис об отмирании идеологий и идеологов весьма напоминает другой тезис — о прекращении существования бюрократии в будущем. Он является порождением тех же идеалистических представлений и не дает конструктивного прогноза. Важный фактор успеха любой идеологии — это ее шокирующая новизна, простота, доступность для массового сознания. Поэтому идеологии не просто могут, но, как показывает опыт их развития, должны (подобно вирусам) постоянно менять форму, сохраняя прежнее содержание. В настоящее время в условиях информационного (мультимедийного) общества особенно заметен отрыв содержательной стороны идеологии от форм ее распространения. Данный феномен изменчивости идеологий лишь усилился благодаря современным коммуникациям, но он всегда имел место в истории. В длительной

перспективе удастся обнаружить историческую преемственность основных идеологий, хотя формы и характер их выражения могут быть радикально изменены.

Классификация идеологий возможна по различным признакам, некоторые из которых могут казаться формальными, в то время как другие существенными. Исходя из данного нами определения идеологии (как взаимосвязи трех параметров — учения, социального движения и организации) предложим следующую классификацию: 1) по степени завершенности идеологии можно разделить на сформировавшиеся (где присутствуют все три указанных элемента, как это имеет место в случае классических идеологий) и идеологии, находящиеся на стадии формирования, когда в выраженной форме присутствует один из элементов, а другие находятся *in statu nascendi* (это позволяет раскрыть различные фазы формирования всякой идеологии, а также разрабатывать проблему исторических протоидеологий и вести изучение аморфных идейных движений современности, которые могут претендовать на статус идеологии в будущем); 2) по отношению к информационному пространству — открытые (доступные для принятия новой социальной информации и ее критического использования) и закрытые (неподвижные, догматические). Переход идеологии от одного состояния к другому выражает также определенную логику ее развития, которая может привести к кризису идеологии, неспособной развиваться (как это произошло с марксизмом). Здесь важно обратить внимание на характер коммуникаций: каковы инструменты воспроизводства взаимодействия масс и представителей (печать, ораторская речь, проповедь, современные коммуникации и проблема медийности); 3) по отношению к личности — тоталитарные (ориентированные на поглощение личности) и демократические (отстаивающие принцип интеллектуальной свободы и творческого развития индивида); 4) по отношению к новизне и связанным с ней социальным изменениям (тому, что определяется понятием «модерн») — идеологии традиционного типа и новые, ориентированные в прошлое или в будущее; 5) по отношению к государству — государственные (закрепленные в конституциях и других официальных программных документах государства) и негосударственные идеологии (возможен переход из одного состояния в другое: коммунизм утратил статус государственной идеологии, а ислам в некоторых странах — приобрел); 6) по восприятию обще-

ством — легитимные и нелегитимные (идеология может быть официально признанной, но утратить легитимность (социальную поддержку) в обществе и, наоборот, иметь социальную поддержку, но не пользоваться официальным признанием, как, например, раннее христианство в Римской империи); 7) по отношению к праву — правовые (принимающие право как способ социального регулирования) и неправовые (отстаивающие правовой нигилизм); 8) по характеру воздействия на общество — разрушительные и консолидирующие; 9) по методам осуществления изменений — революционные (экстремистские) и реформационные (умеренные). В связи с этим важно знать, кто идеологи: религиозные пророки, философы, революционные демагоги или партийные вожди; 10) по своим результатам в отношении свободы личности — авторитарные и демократические и проч.

Эти общие соображения дают возможность перейти от эмпирического изучения отдельных идеологий и их сравнительно-исторического анализа к конструированию модели явления — идеальному типу идеологии вообще. Это позволяет говорить о фазах развития, структуре и механизмах регуляции всякой идеологии.

Мы выделили три основных фазы в развитии всякой идеологии, каждая из которых отражает стадии взаимодействия идеи и общества: первая связана с появлением идеологической концепции социальных изменений (созданной теоретиком или группой интеллектуалов); вторая — отражает распространение идеологии в более широких социальных рамках (например, значительного социального слоя); третья, высшая, фаза — определяется возможностью влияния на политику государства через парламент. В России марксизм прошел все стадии развития — от идей кучки интеллектуалов к идеологии революционной партии и от нее — к государственной идеологии, которая в свою очередь была представлена несколькими фазами от начала формирования до упадка.

При изучении структуры идеологий очень важно определение этого явления Марксом как ложного сознания. Этот вывод позволяет сопоставлять феномен идеологий нового и новейшего времени с предшествующими формами религиозного сознания. Если такое сопоставление возможно, то выводы разработанной М.Вебером социологии религии вполне приемлемы для анализа идеологий (200). Разумеется, это сопоставление не означает тождества современных

идеологии и религии, однако, указывает на черты сходства и даже известную преемственность идеологического сознания по отношению к религиозному (например, тот факт, что всякая идеология, в том числе «научная», исходит, как и религия, не из знания, а из веры; существует возможная параллельная типология форм религиозного и идеологического сознания, типы легитимности, природа харизматического лидерства, роль пророчества в религии и «научного предвидения» в идеологии). В том случае, если речь идет не об идеологиях вообще, но о такой их специфической разновидности как тоталитарные идеологии — сходство с религиозным сознанием становится еще более заметным. Так идеология марксизма-ленинизма, став государственной, превратилась в своеобразную светскую религию, а политическая система получила сходство с теократией, где власть принадлежала особой касте — партийному жречеству, разъяснявшему обществу и государственному аппарату подлинный смысл сакральных текстов (сочинений классиков, партийных программ и решений съездов). Данный идеологический феномен, в реальность которого трудно было поверить за столетие до его возникновения, оказался, тем не менее, сходным тем трактовкам идеологий, которые возникали в ходе других социальных революций — английской (пуритане), французской (якобинцы), иранской (муллы).

Важно установить, таким образом, каков характер системы коммуникаций (пресса, масс-медиа, проповедь, листовка) и их организационное обеспечение (аппараты, ритуалы, лозунги и проч.), кто идеологи: религиозные авторитеты, философы, партийные вожди, революционные демагоги; какова ориентация во времени (направленность в прошлое или будущее) и пространстве (глобальные или локальные интересы); каковы методы воздействия на общество (просвещение или принуждение).

Структура подобных идеологий как социального явления также вполне сопоставима со структурой религий. Речь идет в обоих случаях о четкой организации взаимоотношения между массами и лидерами, паствой и священнослужителем. Организация, основанная на идеологии (партия как церковь или религиозный орден), представляет «идеологические институты государства». Христианство, ислам, марксизм — распространяются из единого центра (Назарет, Медина, Москва), формируют группы, а затем и целую сеть распро-

странения, охватывая массы верующих или приверженцев. Затем формируется относительно стабильная система, подчиняющаяся формальной организации, имеющей постоянную структуру. Динамичный характер организации (церкви или партии) со временем утрачивается или тяготеет к статике, возникает бюрократическое перерождение, к которому ведет вся логика функционирования закрытой системы. Подобно тому, как в определенные исторические эпохи происходило слияние церкви и государства или даже подчинение светской власти духовной, в тоталитарных системах новейшего времени культивируется постулат приоритета партии и ее идеологии над государством (что выражается в идеологических постулатах руководящей роли партии или принципа фюрерства). Сращивание идеологических структур с государственными происходит за счет создания особого социального слоя (номенклатуры или партийного жречества), который воплощает всю полноту как духовной, так и светской власти в обществе (наиболее близким историческим аналогом выступают подобные группы в закрытых и традиционалистских обществах — египетские жрецы, средневековая европейская инквизиция, религиозные ордена и проч.). В результате партия и государство оказываются машиной в руках данного слоя, способной принимать любые управленческие решения и, одновременно, давать ему идеологическое обоснование (идеологическую легитимацию). В основе этого феномена в обоих случаях лежит мифологизация общественного сознания. В этом проявляется основное сходство теологической и идеологической картины мира. Тезис о том, что партия представляет рабочий класс — такой же миф, как и многие предшествующие, например, о божественном происхождении королевской власти. Коммунистическое общество оказывается высшим проявлением исторического идеализма, а критика религии как опиума вполне отражает противоречия идеократического общества.

Структура идеологии включает положения нескольких уровней: это ряд базовых и неизменных принципов (набор догм, составляющих твердое ядро идеологической системы); ряд более мягких положений, теоретически доступных изменениям и, наконец, совокупность операционных, инструментальных положений, призванных адаптировать принципы и нормы более высоких уровней к меняющейся социальной действительности. Эта адаптация может быть

более или менее гибкой, но имеет определенный объективный предел, связанный с незыблемостью основных идеологических догм. Покушение на них, осуществляемое с целью социальной мимикрии правящей группой идеологов, приводит, как показывает опыт советской перестройки, к системному кризису идеологии, а вместе с ней и легитимности политического режима. Данная дилемма стоит в настоящее время перед политическими режимами, вынужденными выбирать между сохранением стабильности (идеологической легитимности) и решением задач модернизации (коммунистический Китай, теократический Иран).

Социальная функция идеологии в обществе не остается неизменной и может быть противоположной. Очевидно, что идеологии могут выполнять в обществе консервативную и революционную роль. В первом случае они обосновывают легитимность существующего режима, во втором — его ниспровержение. Опыт идеологического и революционного развития Европы показал широкому кругу людей, что кажущиеся столь привлекательными идеи разрушения — отнюдь не самый результативный путь социальных преобразований. Развитие Франции и других стран второй половины XIX в. не дает примеров идеологического доминирования (даже революция 1848 г. и Парижская Коммуна). Английская политика всего XIX и XX вв. может быть охарактеризована как социальный эксперимент постепенного включения массового сознания различных групп в конструктивный путь развития (развитие избирательных систем, отмена гнилых местечек, расширение прав профсоюзов и проч.). Рабочие движения, в которые была включена квалифицированная часть рабочих, создавали основу для просветительской программы в среде рабочего класса. Здесь возникают различные формы социальной поддержки, работающие против идеи идеологии как разрушения существующего строя. Фактически эта задача оказалась там решенной. Деструктивная роль идеологии проявилась в странах, где гражданское общество не сформировалось в полном объеме. В начале нового времени в освоение социалистических и националистических идей включается огромный человеческий потенциал, причем политическая культура масс стала решающим фактором для рецепции этих идей, которые в более развитых странах не получили никакой

поддержки. На этой основе происходит переход от монархического суверенитета к народному, от подданства к гражданству, возникает резкий конфликт демократии и принципа верховенства права (201). Для распространения идеологических учений такого рода массовую базу дает крестьянство, поскольку оно теряет привычный способ существования. В Европе это — Германия, Италия и Россия. Здесь эта идеология находит свою массовую базу, и стабильный идеальный тип внутри идеологии меняется: учение сильнее приспосабливается к пониманию масс. Огромный разрушительный потенциал этих новых приверженцев (поскольку по численности эти массы не идут в сравнение с европейскими массами). Это порождает особый тип вождей — учителей-практиков, которые одержимы идеей буквально «перевернуть мир» с помощью этой разрушительной силы. Особое внимание поэтому придается способам непосредственной передачи учения массам (технические средства, ораторский артистизм, демагогия, группы поддержки и т.д.) и особой организационной работе в массах. В этих условиях мы можем говорить о превращении идеологии классического европейского типа в политические программы. Целью их является захват власти с помощью потенциала масс. Приведение в действие лозунгов (весь мир насилья мы разрушим — слом государства) показывает, что непосредственная реализация программных установок приходит в определенное противоречие с реальностью. В свою очередь в смене лозунгов, оппозиций, вождей формирующийся строй обнаруживает тенденции к авторитаризму, а затем и тоталитаризму. Разрыв между тем, что предлагается массам, и тем, что содержится в учении, становится особенно резким. Но здесь мы уже переходим из сферы идеологии к политике.

В условиях острой конкуренции за голоса избирателей идеологии не могут оставаться неизменными. С этим связано явление заимствования одними идеологиями наиболее привлекательных (для массового сознания) положений других идеологий. В данном контексте можно объяснить три важных тенденции, которые иногда ставят в тупик исследователей идеологий. Во-первых, отказ от жестких форм классических идеологий прошлого и переход к их новым формам, связанный с существенными изменениями основных приоритетов (неоконсерватизм, неолиберализм, новые левые и проч.); во-вторых, явление гибридизации идеологий. Идеологии,

как было показано, могут скрещиваться и приобретать гибридные формы именно потому, что их восприятие массовым сознанием не основано на самостоятельном критическом анализе и предназначено для пассивного массового восприятия. Сформировавшись в чистом виде, классические идеологии (консерватизм, либерализм, социализм, анархизм, национализм) в дальнейшем претерпели существенные изменения, связанные, в частности, с их взаимным сочетанием и поиском компромиссов между ними (в условиях перехода ко всеобщему избирательному праву и соперничества за голоса избирателей). Наиболее опасным для общества в XX в. стал, как известно, синтез национализма и социализма, нашедший выражение в тоталитарной идеологии национал-социализма. В рамках этого синтеза представлена также своя концепция демократии, понимаемой как полное поглощение личности коллективом во имя достижения национального величия. Другая модификация той же тенденции — модель «построения социализма в одной стране», объективно ведущая к отказу от интернационализма в пользу национализма и патриотизма. Различные варианты концепций «тоталитарной демократии» опасны именно тем, что стремятся контролировать общество и индивида безраздельно, апеллируя при этом к наиболее устойчивым архетипам традиционного сознания — аграрному коллективизму, всеобщему равенству, единству расы и крови, идеологии боевого братства. Данным идеологическим комбинациям противостоят идеологии, отстаивающие в той или иной форме приоритет прав личности. Так возникает феномен либерально-консервативного синтеза, призванного противостоять социалистической идеологии, явление социального либерализма, ставящего своей задачей интегрировать в классическую либеральную идеологию некоторые принципы реформистского социализма с целью противостояния коммунистическому экстремизму. В этой перспективе можно интерпретировать также такие направления, как христианский или национальный либерализм. В-третьих, в сравнительной перспективе, очевидно, необходимо учитывать различный социальный контекст функционирования идеологий: в странах, где гражданское общество сформировалось, и где его нет; существует стабильная или нестабильная демократия; государство выступает как идеологически нейтральная сила или, напротив, жестко навя-

зывает обществу одну идеологию. Будучи своеобразной лабораторией социальных реформ и их социологического объяснения, европейское общество индустриальной эпохи создало модели классических идеологий. Однако их заимствование и перенесение на другую социальную почву неизбежно модифицировало исходное содержание. Это в полной мере относится к рецепции идеологий в Центральной и Восточной Европе, особенно в России, которая уже в силу своего положения в мире становилась страной, где рациональные формулы различных европейских идеологий впервые проходили проверку традиционным социальным содержанием.

Медушевский, А. Н. Социология права [Текст] / А. Н. Медушевский ; М42 Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : ТЕИС, 2006. — 613, [3] с. — 1000 экз. — ISBN 5-7598-0440-5 (в пер.).

Книга вносит вклад в теорию социальных функций права, показывая его роль в социальной интеграции, осуществлении контроля, разрешении конфликтов, легитимации социальных отношений, конструировании политических институтов. В то же время она имеет выраженную практическую направленность и может использоваться в качестве методической основы в таких жизненно важных областях, как законодательное проектирование и социологическая экспертиза принимаемых законов.

Критически используя теоретические подходы современной социологии права, автор обосновывает свои выводы на значительном эмпирическом материале, в том числе собственных исследований, в области частного и публичного права, законодательных проектов и их реализации; разработки земельного законодательства, истории кодификации и преодоления правового дуализма, конституционных и административных реформ новейшего времени, а также судебной практики.

УДК 316.334.4(075.8)

ББК 60.56я73

Научное издание

Медушевский Андрей Николаевич
СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Редактор *Е.Л. Наумова*
Художественный редактор *И.В. Смирнова*
Компьютерная верстка: *А.А. Григорьев*
Корректор *Т.П. Рындак*

Подписано в печать 27.11.06. Формат 70×90/16
П. л. 38,5. Уч.-изд. л. 29,84
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «ТЕИС»
115407, Москва, Судостроительная ул., 59

ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6